

18+

Анна Артюшкевич

УРОВЕНЬ ZERO

Монстр из Синего Камня

Анна Артюшкевич

**Уровень ZERO. Монстр
из Синего Камня**

«Издательские решения»

Артюшкевич А.

Уровень ZERO. Монстр из Синего Камня / А. Артюшкевич —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830924-3

Герои романа — журналисты Зинаида, Борис и Роман — становятся участниками жутковатых событий, связанных с исчезновением художника Алексея, чьи полотна обладают удивительной силой, и с чудовищными экспериментами, которые ставят гениальные, но безнравственные ученые. Все это происходит на фоне любви Зинаиды и загадочного разведчика Глеба и под воздействием языческого камня из деревни Синий Камень, который пробуждает у них сверхъестественные способности.

ISBN 978-5-44-830924-3

© Артюшкевич А.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	10
III	14
IV	17
V	20
VI	24
VII	27
VIII	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Уровень ZERO

Монстр из Синего Камня

Анна Артюшкевич

© Анна Артюшкевич, 2024

ISBN 978-5-4483-0924-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Липкая влажная ночь. Пахнет рекой. Много других запахов, резких и непривычных. Острые иглы страха покалывают затылок. Иглы такие холодные, что замирает сердце.

Мелкие капли дождя. Тихо, темно и пусто. Очень хочется пить. Пытаюсь понять, где я?

Размеренный стук подков. Гулкий и очень близкий. Темно-багровый свет растекается по мостовой... Черные тени коней. Фонарь на цепочке сзади высвечивает мокрый, поблескивающий экипаж.

Я прижимаюсь спиной к холодной скользкой стене, и в экипаже вижу бледный застывший профиль. Но профиль – не человеческий... И я изо всех сил стараюсь не закричать...

Шелест дождя, мягко шуршат шины. От красного света лужи – как пятна крови... И я понимаю, что это совсем не карета, а черный, похожий на катафалк джип. Белеет лицо за стеклом, нечеткое, словно размытое... Бросаюсь к машине... И обмираю: там, за рулем тоже не человек...

***

Пронзительный вой сирены вонзается в мозг, и разбивает кошмар на сотни мелких осколков. Я открываю глаза и вижу синюю бабочку на тонком стеклянном плафоне под потолком. Хлопаю по будильнику и наблюдаю за бабочкой минуту, другую, третью, стараясь уловить вибрации душевной гармонии. Но гармония, видимо, плутает в переплетениях улиц, надеясь разобратся за кисеей дождя в номерах мокрых домов... Вздыхаю и поднимаюсь.

...Я всегда видела странные яркие сны, и почему-то считала, что так и должно быть. И лишь повзрослев, изумилась тому, что нормальное большинство видит их, как гравюры: в черно-белых тонах. А некоторым вообще ничего не снится. Я жалела несчастное большинство, благоразумно помалкивая, что путаю сны с явью. И не распространялась о том, что нередко со мною случается что-то сначала во сне, и только потом – наяву. Я понимала: нормальность – понятие относительное. Если бы человечество состояло из психов, то самым нормальным считался бы тот, чьи показатели ни на йоту бы не отклонялись от средних. Но в глазах здорового он так и остался бы психом. Впрочем, для этого не нужно быть сумасшедшим. Когда ослепительные фантазии и поступки перехлестывают через рамки, они тоже опасны в глазах обывателя. И я вдруг подумала: а кто эти рамки, собственно, устанавливал? И если бы я научилась летать, меня изолировали бы от общества?

Под философские размышления достала сыр, и сварила кофе. И, наливая его, заметила, как дрожат руки. Ночные кошмары вонзились в мое подсознание: там продолжали метаться красные всполохи на черном фоне, и маячило блеклое пятно безликого как наволочка лица. Я без лишних эмоций относилась ко всему непонятному, но прежде, чем спрятать событие или сон в условную резную шкатулку, пыталась его разгадать при помощи логики. На сей раз мне это удалось. Правда, не полностью.

Вчера я уснула, не выключив телевизор, где крутили документальную ленту о неразгаданных преступлениях. Говорили о Лондоне позапрошлого века. Темные улицы, тела «ночных бабочек», таинственный серийный убийца, и ворох идиотских догадок на эту тему. И так, с экипажем все ясно. Но откуда джип? И что за странное существо сидело в транспорте, перенесаясь сквозь столетия из кареты в автомобиль?

Я допила кофе, поколебалась мгновенье и бережно поместила неразгаданную часть сна в раздел «непонятное». Может, появится новая информация и сметет с нее золотистую пыльцу тайны?

За окном повисла тонкая сеть дождя, в которой путались сорванные ветром листья. Отяжелев, как намокшие бабочки, они описывали полукруг, падали вниз и прилипали к асфальту. Очередной порыв изгибал струи, и, ударившись о стекло, те расплескивались по нему, снова сливались, и по узким извилистым руслам стекали вниз.

Я любила дождь. Как ни странно, но его хрупкая внешне конструкция из невесомых капель создавала иллюзию защиты. Может, оттого, что даже отпетые злодеи, по моему мнению, не рискуют нападать на граждан, когда им некомфортно и мокро. И мне нравился звук дождя. Он был разный, в зависимости от интенсивности. Сейчас дождь ударялся о линолеум на балконе, и мне чудилось, что там лихо отбивает чечетку стая крошечных и отчаянно веселых птиц. Я даже представила их: голубых, золотистых, зеленых, – очень похожих на колибри.

Стрелки на часах перевалили за допустимый рубеж, пора было отдавать трудовой долг обществу, перед которым, если честно, я никаких обязательств не испытывала. Вызвала такси, и, потягивая кофе, снова приблизилась к окну: не было смысла мокнуть у подъезда. Наблюдая за аркой, чтобы не пропустить машину, краем глаза заметила качнувшуюся в сумраке проема тень. Пригляделась: крупный мужчина, прислонившись к стене и засунув руки в карманы, стоял у самого входа и неотрывно смотрел на наш дом.

Это было странно: струи разбивались и брызгали на него, светлая куртка вымокла на плечах, но он, не реагируя на непогоду. Слегка склонив голову к плечу, незнакомец, не сводил глаз с одной точки. И эта точка совпадала... с моим кухонным окном, на котором вот уже месяц не было занавесок, – гости случайно их прожгли.

Я отшатнулась, хотя мужчина не мог меня видеть сквозь льняное кружево шторы в гостиной. Но тут он медленно перевел взгляд в мою сторону, и я отскочила вглубь комнаты. Ничего себе! Неужели какой-то субъект следит за мной? Лица его толком не разглядела, но смутные ассоциации возникли. Только вот с чем? Или с кем? Я напрягла извилины, но ничего путного в голову не пришло. Подкравшись к балкону, осторожно глянула вниз: во двор въезжало такси, мальчишки носились по лужам, мужчины на прежнем месте не было.

«И, слава Богу! – подумала я. – Видно, появился тот или та, кого этот тип ждал!» Версия была неубедительной: незнакомец явно за кем-то следил, потому что друзей в таких экстремальных условиях не ждут. Может, изменницу-жену, уединившуюся в одной из квартир с любовником? Но мне-то что до них? Однако облегчения я не почувствовала, – в сердце кольнула жалость, что к моей персоне это никакого отношения не имеет. «Извели под корень романтику, – мелькнула мрачная мысль, – ни тебе серенад во дворе, ни „миллиона роз“ на бабки от „проданного крова“, ни долгих ожиданий под ливнем без зонтика... В лучшем случае – три цветочка и бутылка шампанского...»

Впрочем, материальным эквивалентом любовь я не измеряла, тут главным была готовность к жертве. А зачем нужно мокнуть во имя пылкого чувства без зонтика, и сама себе объяснить не могла. Мрачность же моя объяснялась тем, что на данном этапе я не выдержала испытаний «серьезным чувством» и трусливо бежала от фундаментально настроенного поклонника. Тот обиделся, пытался выяснить отношения, но я сделала все, чтобы любимый поверил, что это он во мне разочаровался, и, слегка поскорбев, мой поклонник рванул за рубеж. Там какая-то фирма заключила с ним выгодный контракт, и я очень надеялась, что трудовые будни вытравят из его памяти горькую печаль обо мне.

Многочисленные знакомые меня осуждали, зато близкие друзья сразу все поняли, заявив хором: «Опять дурью маешься? Пошто хорошего человека обидела?» Вопрос был риторический, и отвечать на него я не стала. Тем более, что и ответа у меня не было. Так что сердце мое было свободно, и широкоплечий мужчина – любитель экстремальной погоды, вполне мог попробовать его завоевать.

Рассуждая таким романтическим образом, я выкатилась на улицу и сходу попала туфлей в выбоину возле подъезда. Галантный блондин-водитель заохал, подал такси назад и окатил

меня водопадом холодной воды. Запричитав еще горестней, открыл дверцу, и я плюхнулась на сиденье, не обращая внимания на новую обивку, которая сразу же стала мокрой. Машина тронулась, рассекая, как дредноут, волны, вырулила через арку и пристроилась к каравану мокрых разноцветных автомобилей, степенно плывущих вдоль улицы.

Налетал ветер, полотнище дождя хлестало парусом по стеклу, мир расплывался и становился призрачным. «Дворники» слизывали прилипшую влагу, и он снова приобретал резкость. Мне нравилось смотреть в боковое окно. Город казался акваримумом, который медленно заполнялся водой. Она должна была литься день, ночь, и еще день, и еще одну ночь... И на третье утро люди и машины поднялись бы выше крыш, и закружились там без всяких светофоров и правил... И это походило бы на безумный, но очень красивый танец. Или полет...

И вдруг дождь иссяк. Лишь мелкие, как бисер, капли повисли в воздухе, рассеивая и отражая свет бледных лучей, прикрытых облаками.

Я очнулась и глянула на машину, застывшую рядом на перекрестке. Оттуда в упор на меня смотрел мужчина. Это длилось мгновенье. Включился зеленый свет, и машина ринулась прочь. Следом мелькнул черный джип. Я вздрогнула, вспомнив ночной кошмар.

– Они давно рядом с нами кружат, – сообщил водитель, бросив на меня пристальный взгляд в зеркало заднего вида.

– Ну, уж так прямо и кружат, – растерянно пробормотала я.

– Я ведь бывший милиционер, – медленно сказал парень. – У вас проблемы?

Машина плавно тронулась с места.

– Какие могут быть у меня проблемы? – разозлилась я. – Что вы выдумываете? Вчера с продавщицей в булочной поругалась, – та несвежий батон подсунула! И что, из-за этого двое идиотов будут бензин жечь и гонки устраивать? Да и где они сейчас? Я, скорее, поверю, что это у них проблемы, – вон как рванул джип за тойотой!

Таксист с сомнением покачал головой: – Хотите, – верьте, хотите, – нет, но мужчина в тойоте специально уводил джип от нас.

– Значит, это у вас проблемы, – сообразила я. – И нечего их на меня спихивать!

Водитель искоса глянул на меня, но промолчал. А я снова уставилась в окно. Неясные очертания мощных плеч и лицо мужчины в автомобиле показались смутно знакомыми. А главное – поворот головы! Я стала лихорадочно перебирать варианты, но размытые контуры незнакомца не монтировались с какими-либо событиями, обстановкой или далеким прошлым. Парень просто вынырнул в машине ниоткуда и начал тарашиться в упор сквозь забрызганные дождем стекла. Из-за этих дождевых потеков я его толком разглядеть не сумела! У меня зубы заныли от раздражения, и вдруг, как на старой фотографии, в памяти стал проявляться дом, сумрачный проем арки, и крепкая фигура в светлой куртке, облокотившаяся о стену.

Мне стало нехорошо. Выходит, он действительно следит за мной? Но зачем?! И кто в черном джипе? Неужели соперник? Мысль показалась приятной, но нереальной. Не потому что я не нравилась противоположному полу, – просто носиться по городу с неясной для дамы сердца целью – верх идиотизма! Дама в таких условиях чувствует себя полной дурой, и, конечно же, победитель остается без награды.

– Опять! – вскрикнул таксист. Я вздрогнула и посмотрела в окошко. По встречной полосе машины неслись обратно. Но теперь ситуация поменялась: впереди резво мчался рено, за ним – джип, а замыкал кортеж замызганный сивый опель.

– Психи! – авторитетно заявила я. Водитель неопределенно дернул плечом, но ничего не сказал. Мне показалось, что он остался при своем мнении.

Я опустила стекло и глянула вверх. Пенящиеся облака наплывали друг на друга, орошая слабым дождиком чисто вымытые тротуары. В темных блестящих витринах дрожало небо, на его фоне мелькали прохожие, и манекены смотрели сквозь них, бесстрастно храня тайну изломанных и перевернутых плоскостей. Я представила, что это стражи пересекающихся

миров, тени которых возникают и тают в огромных, до земли, стеклах. И никто не догадывается об этом, кроме меня.

Машина свернула на тихую улицу, стекающую к шумному перекрестку, развернулась и затормозила возле девятиэтажного дома. Я рассчиталась с водителем и приоткрыла дверцу, чтобы определить, вымокну или нет? Ветер добродушно хлопал крыльями по зонтам, пытаясь заглянуть в лица людей, но те хмурились и отгораживались ими, словно цветными шелковыми щитами. Тогда он взмывал в небо, задевая ветви застывших в транс деревьев, и растворялся среди капель и облаков. Очнувшись, каштаны встряхивались, как собаки, разбрызгивая скопившийся в листьях дождь, и снова застывали в сомнамбулическом сне.

Утро плыло в пространстве, заполняя собою мельчайшие щели. И несло ароматы кофе, мокрых цветов и наступающего дня. Мне нужно было многое успеть, и я не стала раскрывать зонтик.

Темный вестибюль пах старым деревом и шоколадом, который постоянно жевали обитатели разных контор, приткнувшихся под гостеприимной крышей. Он продавался в киоске на первом этаже, и был величайшим благом, поскольку ленивый народ, ссылаясь на занятость, предпочитал не высовываться в непогоду за пределы, отведенные служебным долгом.

Поколебавшись, я купила шоколадную плитку и двинулась к лифту. Мне всегда казалось, что я обитаю внутри тонкого шара, о чем не догадывались даже близкие люди. Они тоже жили в шарах разных оттенков, и тоже не догадывались об этом! Я знала, что мы видим мир иначе, чем остальные, потому что свет, преломляясь сквозь хрустальные грани, позволяет рассмотреть его самые крошечные крупички. Остальные же предпочитали полупрозрачные кубы из материала, похожего на пластик. Там было практично, уютно и просто: плоские грани притирались друг к другу, и получалась пирамида вроде панельного дома. Его обитатели гармонично сливались в один организм с одним восприятием, одним желанием и одинаковым углом обзора.

А хрустальные сферы парили, ударяясь с сухим шорохом о пластмассу, и издавали тонкий и мелодичный, долго не затихающий звон, касаясь друг друга. Люди в кубах, слыша эти звуки, тревожились и терялись. И мы, чтобы не беспокоить их, усилием воли и фантазии бережно помещали свои сферы в выдуманные пластиковые коробки. И никому не рассказывали об этом.

Друзья считали мои фантазии блажью, но незаметно втянулись в игру. А спустя время с изумлением обнаружили, что начинают воспринимать многие фрагменты мира такими, какими описываю их я. Не знаю, хорошо это было, или наоборот, потому что жить между двумя проекциями было непросто, по крайней мере, к этому следовало привыкнуть. Мне это удавалось. И сейчас, выйдя из лифта, я представила, что накрываю пространство из света и хрустальных капель вокруг себя тонкой матовой коробкой, вздохнула и двинулась в сторону обители шефа, откуда традиционно начиналось мое служение долгу. По крайней мере, в понедельник. А по дороге думала: может, и правда все это блажь – с шарами, кубами? Так, легкий отблеск давней мечты, солнечный зайчик, пойманный в сеть детской памяти... Нужно, пожалуй, для душевного равновесия завести новый роман, – земной и надежный! Это должно быть непременным условием: чтобы совсем-совсем земной... Но я знала: такое не для меня, потому что в земной любви нет чуда, а когда нет чуда, придумываешь хрустальную сферу, чтобы его увидеть...

II

Из кабинета за обитой коричневой кожей дверью доносились отрывистые фразы и жалобные причитания. Казалось, строгий отец отчитывает своего отпрыска-шалопая, однако я сразу сориентировалась, что это Борька Жуков ставит на место нашего Дирижабля.

Дирижаблем за крупные размеры, обтекаемые формы и способность необычайно легко и плавно передвигаться прозвали мы главного редактора Иммануила Эрастовича Канцлера. А талантливый авантюрист и друг моей бесшабашной юности Жуков, так же, как и я, находился у него в подчинении, то есть работал в журнале с библейским названием «За семью печатями».

Журнал был создан какими-то чудиками или жуликами совсем недавно и наш разношерстный, разномастный и до сих пор не сдружившийся коллектив образовался из людей, побитых жизнью, которым нужно было передохнуть и пристроить где-то свои трудовые книжки. Обстоятельства приучили всех к недоверчивости и цинизму, и поэтому общение ограничивалось, в основном, служебной необходимостью. Исключение составляли лишь мы с Жуковым да примкнувший к нам юный следопыт Рома Шантер, планировавший в ближайшее время провести журналистское расследование, которое потянуло бы на Пулитцеровскую премию. Такое наличие высоких стандартов у отдельного представителя молодой поросли не только умиляло, но и вызывало определенный скептицизм, поскольку нам с Жуковым более органичным казалось стремление побольше заработать. А конъюнктура не всегда гармонирует с признанием.

Но была и еще одна причина, по которой нас притянуло друг к другу. Мы уловили слабые блики тех самых хрустальных сфер, о которых я говорила. У нас с Жуковым это произошло раньше, хотя он в этом не признавался, что же касается Ромки, то он, по нашему мнению, тянулся к нам чисто интуитивно, как щенок, ощущая кожей, что ему одному окажется трудно.

С заработком в издании было туго: деньги выдавались крайне редко и мелкими порциями, поэтому каждый стремился применить свои творческие силы на стороне. Однако финансовые трудности коллектива не помешали Дирижаблю сменить потрепанный фордик на элегантную тойоту серебристой масти и провести евроремонт в загородном доме. Злые языки сдержанно негодовали, однако мы с Жуковым отнеслись к этому философски, поскольку именно Дирижабль и только Дирижабль нес полную ответственность перед загадочными учредителями, и неизвестно, чем это могло закончиться. Поэтому с его стороны было бы полным идиотизмом не подстраховаться и не извлечь из журнала максимальную выгоду, тем более, что никто не знал, сколько еще замечательному изданию предстоит радовать своих читателей.

В сущности, работа в журнале имела свои положительные стороны: стаж шел, деньги, хоть и небольшие, изредка выдавались, свобода действий была неограниченной, а график – свободным. Мы с Жуковым эту свободу очень ценили и рассматривали журнал, как своеобразную стартовую площадку для организации собственного дела. Концепция нового издания была готова, идей хватало на пару десятков лет вперед, все тормозилось из-за сущей мелочи – отсутствия денег. Поэтому мы с Борькой, и примкнувший к нам Шантер, много времени тратили на поиски спонсора, а, заодно, присматривались к коллегам, надеясь, что среди них найдутся энтузиасты, которых удастся переманить, если Фортуна нам улыбнется.

Издание с библейским названием, в котором мы работали, ничего общего с Библией и, вообще, с религией не имело. Его целью было находить загадки в любой сфере жизни и предлагать свои варианты решений, а также проводить журналистские расследования не очень ясных, двусмысленных текущих событий. Большая часть тайн и загадок, скачивалась, конечно же, из Интернета, и «генераторы идей», то есть, в первую очередь, мы с Жуковым трактовали их оригинальным и неожиданным образом, основываясь на собственной эрудиции и не выходя за рамки логики. Иногда к нам присоединялся Ромка. Вообще-то в его обязанности входило

находить «жемчужные зерна в навозе», то есть, отыскивать реальные истории, усердно перепахивая жизненные пласты, что он и делал с удовольствием, присущим молодости. Когда же повседневность отказывалась выдавать свои тайны или одолевала лень, Шантер на полную мощь включал фантазию.

Так один из первых номеров нашего журнала украсил фоторепортаж о гигантском слизи-монстре, появившемся ниоткуда и сожравшем огород, а также козу с двумя курицами у ветхой старушки Евдокии Семеновны, жившей в пригородной зоне. На фотографиях монстр выглядел устрашающе: огромные слюдяные глаза злобно тарацились из-под увесистых рогов, а тело, обтянутое блестящей кожей, неожиданно оканчивалось двумя лапами.

Репортаж вызвал ажиотаж и панику: кто-то из наших наиболее привередливых читателей потребовал комментариев специалистов, и биологи из Академии наук вынуждены были выезжать на место обитания слизи и что-то невразумительно объяснять по поводу экологии и мутации живых существ.

Шантеру удалось выйти сухим из воды: ветхая бабушка скончалась еще до приезда ученых, а немногочисленные спившиеся обитатели заброшенной дереvушки такого наговорили по белой горячке о местной флоре и фауне, что совершенно обалдевшие доктора наук постарались отделаться в прессе общими фразами и поскорее забыть о кошмаре. Но нет худа без добра: ссылки на наш журнал вызвали не только злобу конкурентов, но и увеличили тираж, коллективу даже часть зарплаты выдали по этому поводу, а какие-то ушлые ребята внесли деревеньку в один из туристических маршрутов и начали строить там ресторан и мотель.

Мы с Жуковым долго хохотали над репортажем, а потом устроили допрос с пристрастием. Ромка признался, что решил использовать опыт Джека Лондона, который, будучи репортером небольшой газеты, повысил ее тираж, опубликовав серию фоторепортажей о чудовище, напоминавшем снежного человека. В роли же чудища снимался его друг.

История Ромкиного материала такова. В один из выходных Шантер отправился навещать бабушку. Путь от автобусной остановки до бабушкиного хутора пролегал мимо избы Евдокии Семеновны, которая дала Ромке напиток и посетовала, что не может угостить молочком, поскольку козу, а также две курицы сожрали на закуску оголодавшие местные алкаши во главе с бывшим механизатором Спиридоном. Телефона у старушки не было, вызвать милицию она не могла, а потому попросила об этом Шантера. Ромка пообещал. Однако, отъездив за выходные бабушкиными пирогами, он придумал, как одним махом решить несколько проблем. Во избежание неприятностей с местной властью, он разыскал участкового и ознакомил со своим планом. Участковый был далеко не дурак и сразу же оценил его гениальность.

Они сели в машину, приехали к Спиридону и, захватив его, отправились к Евдокии Семеновне. Спиридон слезно покался перед старушкой в содеянном, и поклялся вместе с другими алкашами все лето, вплоть до самой осени помогать ей по хозяйству, а осенью заготовить на целую зиму дров. Участковый же пообещал исполнение клятвы проконтролировать. Потом они обрядили Спиридона в старый резиновый костюм для подводного плавания, который нашелся у участкового, присобачили ему рога, очки, на ноги надели ласты, сверху мастерски прошлись кистью с серо-зеленой краской, выбрали подходящий ракурс и нащелкали фотографий.

За спиной рогатого Спиридона зловеще поблескивало озеро, куда он, судя по всему, намеревался сгинуть после кровавой трапезы. Отдельно сняли Евдокию Семеновну с единственной уцелевшей курицей и кобелем Джеком. Участковый светиться не стал.

Спиридон под его нажимом поклялся обо всем молчать, но, конечно же, слова не сдержал. Его странный, невероятный и невразумительный рассказ трансформировался в пьяных головах собутыльников в совершенно фантастическую, леденящую кровь историю о монстре инопланетного происхождения, который с незапамятных времен живет в местном озере и может перевоплощаться в кого угодно: от участкового до крупного рогатого скота. Прики-

нувшись соседом, к примеру, он заманивает человека или скотину поближе к воде, а там утаскивает на дно и пожирает. И если человеческих жертв никто припомнить не мог, то живности, судя по рассказам, монстр истребил предостаточно.

В общем, Ромке повезло: блеф сработал. И хотя всем было очевидно, что история с монстром – это нахальное вранье, серьезно и аргументировано разоблачать его никто не взялся. Обошлось лишь несколькими завистливыми и злопыхательскими замечаниями в дешевых газетенках.

Я рассказываю об этой истории со всеми подробностями потому, что, спустя некоторое время, нам с Жуковым довелось близко познакомиться и с участковым, и со Спиридоном при очень странных, даже жутковатых обстоятельствах.

А пока за окном моросил дождь, секретарша Лена красила губы, в кабинете тонким бабьим голосом причитал Дирижабль. Внезапно дверь распахнулась, и на пороге возник Жуков.

– Вы следующая, – ехидно сообщил зам. Дирижабля Лавринович, – Чувствую, придется отстреливаться!

– Я дам ей парабеллум, – пообещал Жуков, впихивая меня в кабинет.

Дирижабль напоминал фиолетовую тучку, которая, порхая вокруг стола, никак не могла определить, где бы пролиться благодатным дождем. Дорогой костюм насыщенного чернильного колера, конечно же, выбирала его новая жена Стася, всю жизнь проработавшая кассиршей в общественной бане районного масштаба.

...В райцентре жил старинный друг Дирижабля, у которого наш шеф оттягивался на выходные всякий раз после скандала с первой женой Галей. Вот тут-то на вечеринке его и познакомили со Стасей, 38-летней девушкой с большими амбициями и неповторимым вкусом. Утром они проснулись на сеновале под общей попоной, а спустя три месяца кассирша сообщила Дирижаблю радостную весть о грядущем отцовстве. С Галей пришлось развестись, предварительно обеспечив ее и двоих взрослых детей материально. А Стася умудрилась родить двойню и, судя по фотографии в кабинете, малыши в годовалом возрасте были, как две, а, вернее, три капли воды похожи на своего лысого круглотелого папу.

Посещение его кабинета по понедельникам в первой половине дня стало ритуалом. Дирижабль умолял каждого работать «продуктивнее» и «эффективнее», интересовался творческими планами и подбрасывал иногда дельные, а, чаще, бредовые идеи. Однако все разговоры обычно упирались в зарплату, а, вернее, в ее отсутствие.

На сей раз тактика была иной: вначале он довольно уверенно сообщил, что завтра выдают часть денег, а после уже спросил, чем собираемся мы осчастливить журнал в ближайшее время? Я, вспомнив ночной кошмар, соврала сходу, что мы с Жуковым предполагаем выдвинуть свою, совершенно оригинальную версию относительно личности Джека Потрошителя, а, кроме того, планируем расследовать загадочное исчезновение художника Алексея, выставляющего свои картины в скверике рядом с синагогой.

Прихлебывая минералку и кивая с довольным видом, Дирижабль вдруг поперхнулся, закашлялся и уставился на меня диким взглядом. Затем невесть откуда взявшимся хриплым басом переспросил:

– Чье исчезновение?

От неожиданности я тоже вытаращилась на него. Целостность картины нарушил Ромка, ворвавшийся в кабинет с очередными сенсационными фотографиями. Дирижабль как-то беспомощно взглянул на него, потом взял снимки и, обращаясь ко мне, тихо сказал:

– Насчет Джека Потрошителя мысль неплохая, но с художником повремените. Вдруг он запил или к родственникам уехал. Как бы людей не насмешить. В общем, пока ничего не предпринимайте, но если что-то новое узнаете, держите меня в курсе.

Я была озадачена. Реакция Дирижабля была настолько странной, что я сразу же, не обращая внимания на язвительные реплики Лавриновича, помчалась разыскивать Борьку. Тот мрачно курил на лестнице.

– Ты чего такой? – осторожно поинтересовалась я.

Борька погасил сигарету и задумчиво произнес:

– Знаешь, Дирижабль, вроде, по привычной схеме функционирует, да только мне показалось, что он сегодня то ли растерянный какой-то, то ли напуганный.

Я внимательно посмотрела на Жукова: визит к шефу действительно озадачил его. А Борькиной интуиции я доверяла не меньше, чем своей. Более того, еще в юности мне довелось убедиться, что особенно тонко и безошибочно он предчувствует крупные неприятности. Очень крупные. Друзья не случайно прозвали его «черным котом». Но беда в том, что Жуков, чаще всего, не мог точно определить, с кем именно из близких людей должно приключиться несчастье, и насколько серьезно оно затронет каждого.

Я рассказала о своем общении с Дирижаблем, и Жуков помрачнел еще больше. Потом сказал:

– Ладно, время покажет. Пойдем, обсудим твои идеи, Лавринович скоро номер верстать начнет.

На лестницу выскочил взлохмаченный Ромка и заверещал:

– Зинаида, я слышал фрагменты твоего разговора с Дирижаблем. Что, объявился Джек Потрошитель, который художников крошит? Возьмите меня, я снимков наделаю!

– Иди, иди! – сурово сказал Борька. – У Дирижабля на даче гигантский петух объявился с двумя огнедышащими головами, его и снимай, если согласишься!

Ромка обиделся, а мы пошли к Жукову.

III

Мрачный Борькин кабинет считался наиболее ценным помещением во всей редакции. Небольшой, с высокими потолками и темными обоями, раскрашенными под дубовые панели, он, несомненно, обладал рядом достоинств.

Во-первых, в углу жил огромный, лохматый неприхотливый фикус, подаренный Дирижаблем Борьке на день рождения. По слухам, несчастное дерево напоминало Стасе унылую трудовую молодость в районной бане, и она сочла его присутствие в загородном доме неуместным. У Жукова фикус прижился, на Новый год талантливо исполнял роль праздничной елки, а в будни надежно закрывал собой старое кресло, где можно было отоспаться в любое время незаметно для окружающих.

Вторым существенным достоинством Борькиного кабинета мы считали импровизированный бар с запасом отличного спиртного, о котором знали лишь посвященные, а также старинную кофеварку и ароматный кофе, запасы которого не иссякали благодаря регулярным посылкам из Италии. Дамы судачили о роковой итальянке с безответной любовью, но я точно знала, что это дары полицейского из Палермо, которого Жуков несколько лет назад выручил при очередном журналистском расследовании. Но в чем именно состояла услуга, не удалось выяснить даже мне.

В общем, обстановка, вкупе с неплохими картинами на стенах, навевала приятную меланхолию. Ей способствовали и окна. Неожиданно большие, они распахивались на две смежные стороны света и открывали хороший обзор. Из одного окна был виден зеленый школьный двор и спортивная площадка, другое выходило на автобусную остановку. Именно на нее медленно выезжал со стоянки черный джип «гранд чероки», а за ним дробно рысил бледный Дирижабль. Я вспомнила сон и вздрогнула.

Машина остановилась, дверца приоткрылась. В проеме виднелось мощное плечо водителя, обтянутое черным пиджаком, а с пассажирского кресла на причитающего вполголоса Дирижабля безразлично смотрел субтильный блондин в светлом костюме. Не дослушав монолог, он бросил несколько слов, захлопнул дверцу, автомобиль тронулся.

Дирижабль постоял минуту, вытер мокрый от дождя лоб и медленно направился к запасному входу. Мы с Жуковым переглянулись.

– Странная компания! – протянул Борька. – Вот уж не думал, что у шефа такие знакомые водятся!

Я не успела отреагировать, как в кабинет ворвался Ромка.

– Ребята, – возбужденно зашипел он, – я видел наших учредителей! Крутые, на джипе, и Дирижабль их смертельно боится! Может, ввалили за то, что нашу зарплату на тойоту потратил?

В голосе Шантера звучала надежда.

– С чего ты взял, что это учредители? – холодно поинтересовался Жуков.

– А кто же еще? – удивился Ромка. – Явно не друзья детства, не односельчане бабушки, и не коллеги!

Мы посмотрели на Ромку с одобрением: этот юный прохвост в последнее время часто демонстрировал незаурядную наблюдательность, хотя для правильных выводов еще не созрел.

– Да, – спохватился Ромка, – я ведь их сфотографировал на стоянке. Вот сюрприз будет для Дирижабля! Или не стоит пока ему карточки дарить?

В голосе Шантера послышалось сомнение.

– Не стоит, – ласково подтвердил Жуков. – Ты их нам подаришь и никому об этом не скажешь. И о своем творческом подвиге тоже не распространяйся.

Ромка с интересом взглянул на него. В глазах потенциального лауреата Пулитцеровской премии появился маниакальный блеск, и это свидетельствовало об одном: Шантер к очередной авантюре готов!

– Однако, господа, – вернул нас к реальности Жуков, – пора бы и о рутине подумать!

По комнате поплыл первозданный аромат заграничного кофе, и мы, устроившись в креслах, начали мозговой штурм. Нужды не было высасывать сенсации из пальца, как это делали другие, они сами рождались у нас в головах, превращая реальные, но скучные факты в затейливые конструкции, вызывающие неподдельный интерес у читателей. Борька называл это «поиграть умом». Мы не делали выводов и не навязывали свою точку зрения, а лишь пробуждали фантазию и любопытство, и читатели были за это благодарны. Порой, они высказывали потрясающие суждения, и наиболее оригинальные письма публиковались в нашем журнале.

Сегодня речь шла о загадочном преступлении, совершенном в идиллической местности, абсолютно не подходящей для кровавых расправ. А мое подсознание провело параллель между ним и Потрошителем, о котором я и брякнула Дирижаблю.

Несколько дней назад в прессе проскользнула заметка о зверском убийстве иностранного бизнесмена, которого непонятно каким ветром, без вещей и документов, занесло в нашу провинцию. Но меня заинтересовало другое. Из разговора со знакомым следователем, который, пытаясь установить личность убиенного, нарезал версты по градам и весям, я составила примерную схему места, где нашли тело. И выяснилось, что в данном месте и в данное время уйти незаметным убийца просто не мог: по всем четырем направлениям находились свидетели. Подбросить труп тоже не могли, поскольку кровь на земле принадлежала покойному, а ее количество свидетельствовало, что убийство произошло именно там. Следствие принялось выяснять адреса, связи, явки, а у меня в голове забрезжила странная мысль во время общения с Дирижаблем, которую я и пыталась сейчас оформить.

– И причем здесь Потрошитель? – удивился Ромка. – Там были серийные преступления, да и жертвы – проститутки!

– Во-первых, это может быть только началом, убийства Потрошителя стали почему-то считать серийными сразу же, после первого преступления, – нахально заявила я, – а, во-вторых, суть не в том, кто именно становится жертвой, а в том, что их объединяет какой-то единый признак, если убийца – маньяк. Это общеизвестно. Но кто сказал, что учителей, врачей или бизнесменов не могут серийно убивать по каким-то другим, вполне рациональным причинам?

– Например?

– Например, чтобы отвлечь внимание от одной, основной жертвы, чья профессия не имеет никакого значения, а также от истинной причины.

– Например, наследство? – подсказал Ромка.

– Пусть будет наследство, – согласилась я. – Криминалистам известно, что даже голову человека раскроить тяжелым предметом или нанести удар ножом невозможно, не испачкавшись кровью. Убийства же проституток происходили на улицах большого города, где те поджидали клиентов, причем, «процесс» требовал немало времени. И если даже тела расчленять удавалось без свидетелей, и поблизости в тот момент никого не было, кто бы услышал крики жертв, то остается вопрос: как окровавленный преступник добирался домой? Даже сотню метров преодолеть в таком виде, не встретив ни одного прохожего, непросто. Тем более, что ночные бабочки в безлюдных местах не гуляют. Брал, идя «на дело», сменную одежду и ведро с водой, чтобы умыться? Бред! Каждый раз нанимал кэб? Но англичане – народ законопослушный и на него обязательно кто-нибудь настучал бы. Снимал по квартире рядом с местами своей «охоты»? Но, во-первых, у него, конечно же, были соседи, да и куда он окровавленные вещи девал? Отдавал в стирку? Сжигал? Первое невозможно без свидетелей, второе сделать в городе тоже непросто.

– И какой вывод? – нетерпеливо спросил Ромка.

– Возможно, он действовал не один, сообщник ожидал его с кэбом, на котором потом испачканные вещи отвозились за город, где и сжигались. Но тогда речь нужно вести уже, как минимум, о двоих маньяках. Вторая версия – фантастическая: маньяк появлялся из другого времени или параллельного измерения. Она неоднократно обыгрывалась в фильмах и художественной литературе. И третья: целенаправленно была убита только одна девушка по какой-то конкретной, неизвестной нам причине, например, из-за того же наследства, о котором не знала. Остальные – для того, чтобы сбить полицию с толку.

– А причем тут убийство бизнесмена? – удивился Ромка.

– А не причем! – разозлилась я. – Просто я предлагаю поместить ребус о Потрошителе в журнале, чтобы читатели поломали головы!

– Постой! – сказал Жуков. – А почему убийство бизнесмена заставило тебя вспомнить о Джеке Потрошителе? Ты же отличаешься ассоциативным мышлением, значит, что-то общее между ними все-таки есть?

Мне не хотелось рассказывать о ночных видениях, и я хмуро буркнула:

– Общее, как я уже говорила, то, что после такого изуверства окровавленный убийца уйти незамеченным не мог, а вертолета над местом преступления никто не видел. Впрочем, я там не была и знаю обо всем из разговора со знакомым следователем.

– Интересно, – мечтательно протянул Ромка, – если на днях убьют еще парочку бизнесменов, все решат, что это дело рук маньяка?

– Бизнесмены – не проститутки, – назидательно заметил Жуков, – их убивают по многим причинам, главная из которых – деньги. И убийства считаются не серийными, а заказными.

– И все-таки, – не унимался Шантер, – если жертвы ничего не будет связывать, это будет серия преступлений?

– Это будет сериал, – отрезал Борька, – а ты станешь его автором!

Позвонила секретарша Лена и закричала в трубку:

– Вы где пропали, почему за деньгами не идете? Лавринович уже пошел свой коньяк пить!

– И, правда, зарплату дают! – искренне удивился Жуков. – Сходим в бар?

– Я же говорил, что это учредители приехали! – торжествующе завопил Ромка. – Они Дирижаблю шею намылили, а скоро и Тойоту отберут!

– Может, завтра? – попросила я, не обращая внимания на завистливое юное дарование. – У меня вечером дела.

– Ну, завтра, так завтра, – согласился Борька.

– Зинаида, а где бизнесмена убили? – вдруг вспомнил Шантер.

– Да где-то под Вишневкой, – сказала я и осеклась.

Ромка дико уставился на меня, потом схватил сумку и исчез за дверью.

– Завтра не ждите! – прокричал он с лестницы.

Именно там, под Вишневкой жила Ромкина бабка и все участники его недавней мистификации, наделавшей столько шума.

IV

Дождь прекратился, проклюнулось солнце, воздух был свеж и прохладен.

Я проехала несколько остановок на троллейбусе, а затем поднялась на холм. Это было мое любимое место. Маленький сквер, старый фонтанчик, двухсторонние скамейки, прозванные «близняшками», и расположенные буквой П, над которыми тянулся длинный навес, прикрепленный к их общей спинке. Благодаря ему, можно было любоваться городом в любую погоду.

Рядом со сквером уже двести лет прочно опиралась на мощные колонны городская ратуша, с другой стороны удобно расположилась синагога. Через дорогу над кирпичными домами высился старый костел, а внизу, под мостом, зажатая между монстрами из стекла и бетона сияла розовыми стенами древняя церковка, похожая на кремовое пирожное. Вечерами здесь шелестел любовный шепот и слышался звук поцелуев, днем встречался творческий люд, и пролетали стайки иностранных туристов.

Это место давным-давно облюбовали художники, которые прозвали его Монпарнасом, остряки же, из-за обилия храмов, окрестили Иерусалимом. Публика, конечно же, охотнее рассматривала полотна, но иногда и покупала. Раньше можно было вложить небольшие деньги в картину малоизвестного художника, и если к нему приходила слава, финансовый риск окупался с лихвой. Нынче же искусство сразу пыталось встать на коммерческую основу, работы популярных мастеров продавались в галереях и стоили очень дорого. Правда, известность далеко не всегда соответствовала таланту. По-настоящему оригинальное полотно можно было, скорее, приобрести именно здесь, на зеленом пятчке в центре города, если только хватало чутья распознать его, и воли, чтобы устоять против напористых молодых людей, пытающихся втюхать за баснословные деньги какие-то сомнительные изображения. Рынок своим черным крылом коснулся и этого оазиса, – цены зашкаливали даже на ученические работы.

Я приходила на Монпарнас не менее двух раз в неделю, иногда меня сопровождал Жуков. Я мечтала приобрести «Пейзаж с дождем», автором которого был Алексей Стасевич – молчаливый блондин с добрыми синими глазами. Мне почему-то казалось, что именно таким был Андрей Рублев.

Городские пейзажи у Стасевича казались слегка размытыми под кисеей весенних, летних, осенних дождей. Мэтры охаивали их и признавали неграмотными. А мне нравились абсолютно все, но особенно завораживал тот, где над блестящими крышами и тротуарами с прилипшими желтыми листьями пробивалось солнце, придающее сентябрьскому дню едва уловимое мерцание жемчуга. Казалось, что сквозь него проступает чей-то лик. Алексей давно уже мог продать пейзаж, но мне казалось, что он хочет сберечь его для меня, ждет, когда появятся деньги. Коммерсантом он был некудышным, работы его покупались, но не очень часто.

Правда, в последнее время мне стало казаться, что кто-то намеренно отваживает от него покупателей. Коллеги? Вряд ли, ни один художник не признается, что завидует собрату по цеху.

А на прошлой неделе, в четверг Алексей исчез. После звонка, поступившего на сотовый, он попросил здоровенного бородатого портретиста Соломона присмотреть за картинами, ушел на час, и не вернулся. Соломон заволновался, но в милицию не пошел: после какого-то неприятного инцидента в юности, он не питал доверия к силовым структурам. Мобильник Алексея не отвечал, адреса никто не знал. Но портретист исправно, каждый день выставлял работы Алексея рядом со своими, и волновался все больше.

Когда я подошла, то поняла: беспокойство его достигло апогея. Выяснилось, что после исчезновения Стасевича, косяком пошли покупатели на его картины. Вернее, покупателей было не очень много, но один из них был невероятно настойчив. Он предлагал хорошую цену, но Соломон полотна не отдавал, чем вызывал сильнейшее раздражение у корыстолюбивой молодежи. Художники постарше его морально поддерживали.

– А цену действительно дают хорошую? – поинтересовалась я.

– Цена-то хорошая, – задумчиво пробасил Соломон, выжывая мошку из лопатообразной бороды, – да клиент не разбирающийся, видно, для кого-то другого покупает. Даже слишком хорошая цена, – почему-то недовольно заключил он.

Я знала, что Соломон обожал Алексея, действовать во вред ему не мог, поэтому искренне удивилась:

– Так в чем же дело? Какая разница, для кого он картину приобретает?

Соломон подумал и задал вопрос мне:

– А почему раньше не покупал? Он тут часто вертелся, и не один. Я его запомнил, я же портретист. А когда Лешка исчез, ко мне какие-то люди приставать стали, а потом две его картины спереть хотели. И все просят показать остальные его работы, особенно пейзажи, написанные на природе. А я их и сам не видел!

Я насторожилась. На прошлой неделе история с пропажей казалась не очень серьезной и, предлагая эту историю Дирижаблю, я хотела, скорее, мистифицировать читателей, а, заодно, и сделать рекламу Алексею, тем более, что материалы о нем уже публиковала. Но, похоже, дело заслуживало более пристального внимания.

– Мадам, вам нравится Тернер? – раздался тихий мелодичный голос.

Я обернулась.

Добрými, темными, как сливы, глазами на меня смотрел маленький пожилой человек в широкополой шляпе.

Я удивилась:

– Откуда вы знаете?

– Я посещаю синагогу, часто захожу сюда и вижу, как вы любуетесь пейзажами молодого художника. Я ими тоже восхищаюсь.

– А что, по-вашему, общего у Тернера и Алексея?

– Настроение, – мадам, – настроение. Все зыбко, все туманно. Под легкой дымкой их полотна скрывают огромный талант.

Я с интересом разглядывала странного человечка, потом спросила:

– Вы искусствовед?

Улыбка скользнула по его лицу:

– Искусствоведы препарируют красоту, не чувствуя ее. А я обычный человек, и мое мнение гораздо дороже. Знаете, почему? Мне безразличны условности и каноны, я, вопреки им, наслаждаюсь талантом еще при жизни мастера, даже если он не признан. Правда, реальной пользы художникам мое восхищение, к сожалению, не приносит. Кстати, я видел, как уезжал автор наших любимых пейзажей.

– На черном джипе? – почему-то спросила я и почувствовала, что попала в десятку.

– На серебристой тойоте, – безмятежно сообщил собеседник.

Я оторопела. Такая тойота ассоциировалась у меня только с Дирижаблем. Попыталась представить, как Дирижабль, весь в фиолетовом, похищает Алексея, а затем в подвале пытает его маникюрными Стасиными ножницами, требуя скинуть цену на полотна. Получилось смешно.

Человечек терпеливо ждал, пока я переварю информацию. А потом печально добавил:

– Я думаю, он умер.

Он был неплохим физиономистом и, наблюдая за мной, не стал дожидаться вопроса:

– С утра на лице художника была маска смерти. Вы знаете, что это такое?

Я читала, что перед смертью лицо человека становится абсолютно, неестественно симметричным, и это называется маской смерти. А у Стасевича правая бровь и угол рта всегда были слегка приподняты. Сочувственно покачав головой, человечек вздохнул и зашагал прочь, похожий на зловещего черного ворона.

Я, оторопев, проводила его взглядом, и решительно направилась к Соломону:

– Ты можешь описать того настойчивого покупателя?

Он быстро сделал набросок в моем ежедневнике. Портрет ничем не напоминал Дирижабля или его знакомых из джипа, по крайней мере, тех, кого удалось разглядеть. И я с облегчением вздохнула. Судя по изображению, покупателем был крепкий мужчина средних лет с квадратным лицом, прямыми бровями, волевым ртом, пристальным взглядом широко расставленных светлых глаз и коротко стриженными волосами. Он очень напоминал военного.

Я огляделась, но никого похожего не заметила. Но у меня возникло смутное ощущение, что это лицо мне знакомо.

А потом у нас с Соломоном состоялся небольшой военный совет с привлечением еще одного художника – худого и язвительного Федора. Мы постановили: картины Алексея на Монпарнасе до возвращения автора не выставлять и постараться узнать его адрес.

– Надо бы Лешкины работы спрятать не дома, а где-то в надежном месте, – рассудительно сказал Соломон. – А то проследить могут.

– А то тебя до надежного места не проследят! – язвительно заметил Федор.

Меня осенило:

– Ребята, а, кроме вас, здесь еще человек пять найдется, которым можно доверять?

Ребята задумались.

– Найдется, – решительно сказал Федор. – Я полностью согласен: если каждый из нас возьмет по картине, то фиг за всеми проследишь!

Похоже, нам всем не хватало острых ощущений. Точку в разработке операции поставил здравомыслящий Соломон.

– И, повторяю, мы не должны держать Лешкины полотна дома, их нужно передать на хранение друзьям или родственникам, – невозмутимо добавил он.

Мы с Федором переглянулись, хотели рассмеяться, но почему-то передумали. Потом я набрала номер Дирижабля. Он был заблокирован. Ромка тоже не отвечал, и я позвонила Жукову, который, как выяснилось, болтался в баре с какими-то знакомыми.

– Мы же завтра договорились расслабиться! – обиженно попеняла я, но Жуков не смутился.

– Ромка звонил, – сообщил он. – Там у них какие-то странные вещи творятся, завтра приедет, расскажет. А если не приедет, то мне, думаю, придется смотаться к нему. Зинаида, скажи правду, ты знала подробности убийства, или накаркала, как всегда?

– О чем ты? – обиделась я еще больше. – И почему к Ромке должен мотаться именно ты?

– Убитый мужик, которого там нашли, весь искромсан, и у него почка изъята.

– Для пересадки?! – похолодела я.

– Не знаю, но сомневаюсь. В любом случае милиция на ушах стоит, а механизатор Спиридон несет невесть что, перепугал всех.

– Спьяну?

– Да нет, не спьяну, он пить бросил, и у него дар открылся. Он сейчас ходит при галстуке и вещает. Люди верят.

Я кратко рассказала Борьке о художнике Алексее. Он помолчал, а потом сказал:

– Ох, не нравится мне все это, чую, большие неприятности нас ожидают!

– Если вляпаемся!

– А ты не поняла, что мы уже вляпались, причем, по самые уши? Будь осторожнее, встретимся завтра.

V

С вечера под балконом орал шантажист и сексуальный маньяк кот Вовчик, но колбасы, чтобы откупиться, в холодильнике не было, и поэтому всю ночь мне снились кошмары.

Вначале привиделся бородатый Спиридон в лапах и белой манишке, затем Дирижабль, дрессирующий кошек, а после и вовсе ерунда: Соломон и Федор в боксерской форме выясняли, кто из них Тернер, а в роли рэфери выступал давешний человек в

черной шляпе. Но было и еще что-то. Уже под утро на ринг пролился дождь, и сквозь дрожачие струи возникло искаженное лицо Алексея, который пытался что-то сказать.

Мне показалось, что его губы произнесли слово «камень».

Утро явилось, как избавление, но настроение было скверным. Я собралась, выпила кофе и вышла под морозящий дождь, мстительно пнув по дороге Вовчика, невозмутимо переходящего дорогу. Взяла такси, а через пару кварталов водитель стал нервно поглядывать в зеркало заднего вида. Потом, покосившись в мою сторону, спросил:

– Это кто ж вас пасет? Муж, что ли?

Мне стало не по себе. Слежка второй день подряд?! Ну, это уж слишком! Выходит, Жуков прав, и мы действительно вляпались? Причем, явно не вчера! Но во что? Я стала лихорадочно соображать, связано ли это с убийством в Вишневке? Или с пропажей художника? Но ведь никто из нас равным счетом ничего об этом не знает! Или Ромка что-то раскопал? Но тогда причем тут я? Значит, дело все-таки в художнике? И какое отношение к этому имеет вчерашний мужчина в белой куртке? Мне почему-то не хотелось, чтобы он оказался замешанным в криминальную историю.

– Отстали, вроде, – сообщил водитель. И я с облегчением вздохнула: наверное, померещилось. А, может, все городские водители – бывшие милиционеры, и мания преследования – их профессиональная болезнь? «Видно, последствия нереализованных возможностей чреваты непредсказуемым эффектом из области психиатрии», – подумала я, глянув с опаской на таксиста. Тот весело подмигнул в зеркало. Я икнула. Таксист протянул мне жвачку и, лихо развернувшись, затормозил у крыльца.

В редакции я сразу же направилась к Борьке. Его в кабинете не оказалось. На столе в кружке дымился кофе, а в углу в лужице стоял раскрытый зонт.

Я удивилась: Жуков не любил непрошенных гостей и, отлучаясь даже на пару минут, кабинет, как правило, запирает. Эта привычка выработалась в детективном издании, где мы с ним когда-то вели довольно рискованные журналистские расследования. Столы наши и рабочий сейф стояли в закутке с перекошенной дверью, которая открывалась легким пинком ноги. Именно в те романтические времена Жукову и мне несколько раз промывали желудки в больнице, поскольку подосланные кем-то мерзавцы подсыпали в разные напитки какую-то гадость. Гадость была не смертельной, но из строя нас выводила, а именно этого «заказчики» и добились.

Я отхлебнула из чашки, но тут появился Жуков и кофе отобрал. Обычно по утрам он организовывал ритуальное «кофепитие», на которое, кроме нас двоих, допускался еще и Шантер. Но вчерашние события нас выбили из колеи, и, похоже, нынешний день тоже шел наперекосяк.

Буквально через секунду на пороге возник Ромка в мокрой куртке и с голодными блуждающими глазами. Он жадно проглотил спорный кофе, и, Жуков, вздохнув, снова заправил свой допотопный агрегат.

Заморив червячка двумя здоровенными бутербродами, и отогревшись в тепле нашей коллективной заботы, Шантер начал рассказывать и даже рисовать схему событий, произошедших в Вишневке. А они там, судя по его словам, складывались в очень непростую конфигурацию.

Итак, три дня назад на асфальтированной площадке бывшего санаторного комплекса под Вишневкой был обнаружен труп. Санаторий давно уже переехал в другое место, а оставшиеся хозяйственные постройки выкупила и использовала для своих нужд какая-то частная организация. Эксплуатировался и двухэтажный жилой корпус: часть его занимали отдыхающие – «дикие» туристы и рыбаки, сумевшие завязать знакомство с бессменным завхозом еще с незапамятных времен, а в остальных помещениях жили «шабашники» и молодые бессемейные рабочие местных производственных структур.

Располагался комплекс возле озера, справа от дороги, ведущей к Вишневке. Дальше, до самой деревни, тянулся лес. Ближе к озеру он переходил в кустарник и оканчивался крутым обрывистым берегом. Чтобы попасть на территорию санатория, нужно было миновать шлагбаум с охраной, которая отвечала за содержимое построек, приспособленных под склады. Справа от него находились два небольших одноэтажных здания для obsługi, а за ними обычно парковались одна или две заезжие фуры. И уже за фурами разместился довольно большой заасфальтированный прямоугольник с фонарями по углам, который служил когда-то танцплощадкой. Танцплощадка подбиралась почти к самому озеру, от воды ее отделял лишь вкопанный в землю мангал с навесом, небольшой столик и пеньки вокруг, исполнявшие роль стульев. Обстановка на время обнаружения трупа складывалась следующим образом.

Стоял теплый вечер. Было начало одиннадцатого. Танцплощадка с четырех углов освещалась фонарями. От дороги ее отделяла фура, два здания и охранники, флиртующие у шлагбаума с заезжими девицами. Справа, перед самой площадкой располагался тот самый жилой дом, обитатели которого, разогретые винными парами и устроившись на подоконниках раскрытых окон, братались, перекрикиваясь на всю окрестность. Многие жильцы уже переместились на улицу и звякали стаканами возле подъездов на лавочках.

Со стороны озера неслись радостные вопли и музыка, – это культурно потребляли шашлыки горожане, вырвавшиеся на волю. Слабой стороной была четвертая, где стояли две иномарки, доставившие их на природу. Но, как выяснилось потом, в обеих машинах тоже находились люди. В одной целовалась юная парочка, удравшая от родителей, занятых шашлыками, в другой группа подростков приобщалась к спиртному, украденному у взрослых.

А параллельно иномаркам, метров через пятьдесят в направлении Вишневки в беседке возле хутора четверо местных мужиков точили лясы за бутылкой водки по случаю именин хозяина.

На тот момент освещенная площадка была абсолютно пуста. По крайней мере, захмелевшие подростки, совершившие короткий рейд в кусты по естественным надобностям, осмотрели ее и решили устроить мнут через десять танцы. Нырнув в машину, они допили запретное вино, выкурили одну на всех сигарету и отправились танцевать. Но на площадке уже лежало мертвое тело. Мимо машины, по заверениям ребят, никто не проходил. Собственно, со всех четырех сторон все были на глазах друг у друга и никто никого из посторонних, да еще с такой ношей, как труп, не видел. Другой вопрос, можно ли этим свидетелям доверять, учитывая, что, кроме охраны, среди них, похоже, не было ни единого трезвого человека?

– Тело очень изуродовано? – спросил Жуков.

– Только лицо, – вздохнул Ромка, – узнать невозможно.

– Ты что-то о почке говорил?

– Мне участковый потом объяснил, что почка была, вроде, раньше изъята, то есть, мужику еще при жизни операцию сделали.

– Ромка, – вмешалась я, – вообще-то, это твое занятие – реальными историями заниматься. У тебя это хорошо получается, тем более, что и местность ты уже засветил в истории с монстром. А тут – идеальное продолжение, и выдумывать ничего не надо. Или почти ничего.

– Зинаида, – окрысился Ромка, – как твои бредни про Потрошителя слушать, так мы по часу просиживаем, а как натуральное, запутанное убийство, так я его должен один разгрести!

– Во-первых, тебя никто не заставляет мои бредни слушать, – возмутилась я...

– А, во-вторых, мы сыты реальными историями в предыдущей жизни, – вмешался Борька. – Брейк, ребята! Зинуля, Шантер прав: на этот раз интеллектуальные усилия следует объединить. Похоже, история становится интересной. А тебе сам Бог велел к ней подключиться, именно ты принесла на хвосте первую информацию об убийстве! Кстати, откуда твой знакомый следователь узнал, что покойный – иностранный бизнесмен? У него же, вроде, документов при себе не было?

– Не знаю, – растерялась я, – он не объяснил. Может, по каким-то вторичным признакам?

– Например, по хвосту, загнутому в форме американского доллара, – съязвил Шантер. – Все дело в том, что мужик этот или какой-то, похожий на него, шлялся днем по окрестностям Вишневки и на каком-то иностранном языке спрашивал у бабок, собиравших грибы, и у пастухов, как пройти к Синему Камню.

– Что за камень такой? – удивился Жуков.

– А вопрос-то не так уж прост, чтобы пастух мог перевести его с «незнакомого иностранного», – вклинилась я, решив на время забыть о нанесенной обиде. – Это же не жестами попить попросить!

– Меня и самого это озадачило, – примирительно объяснил Шантер, – но поселяне говорят, что мужик тыкал пальцем в булыжник, в синюю кайму носового платка, а потом округлял перед животом руки, что означало – большой.

– Или беременный, – пробормотала я. Ромка негодуяще засопел, а Жуков одарил меня укоризненным взглядом.

– А Синий Камень, – продолжал юный следопыт, показав мне кулак, – это здоровенная глыба на берегу озера, обладающая удивительным свойством: издали и в сумерках она кажется совершенно синей. Более того, с боков она покрыта рисунками и таинственными знаками, нацарапанными в доисторические времена. Камень этот был культовым для язычников. Да и сейчас от него исходит едва уловимое свечение, излучение и тепло. Камень может лечить, исполнять желания и даже убивать, – вдохновенно врал Ромка.

Мы с Жуковым переглянулись: судьба, похоже, и впрямь давала Шантеру возможность стать автором захватывающего сериала. Его затейливая фантазия и неразборчивость в средствах гарантировали неослабевающее внимание читателей к изданию в течение долгого времени.

– Кстати, а что с твоим другом Спиридоном? – поинтересовался Жуков.

– Спиридон полностью преобразился, – обрадовался Ромка. – Он сейчас подключается к космосу, фильтрует информацию о будущем через подсознание, и предвидит ближайшие события.

Мы с Борькой разинули рты. Что-то подобное Шантер вещал вечером по телефону, но такого крутого поворота никто не ожидал.

– Белая горячка? – с надеждой спросил Жуков, пытаясь все поставить на свои места.

– Какая горячка?! – заорал Шантер, задохнувшись от возмущения. – Он сейчас вообще не пьет!

– А что он фильтрует? – обалдело переспросила я.

– Информацию космическую, – пытался втолковать Ромка. – Спиридон увидел синего монстра у Синего Камня, и в голове у него будто что-то щелкнуло: он понял, что алкоголь – зло. Сознание у Спиридона приобрело необычную четкость и силу и слилось с подсознанием.

– Все ясно, – поставил диагноз Жуков, – шизофрения на почве хронического алкоголизма. И, по-моему, это заразно.

Я с опаской покосилась в сторону Шантера и демонстративно отодвинулась. Вид у него действительно был безумный: запустив руки в шевелюру и стелая от бессилия, Ромка что-то бормотал с интонациями Юлия Цезаря, преданного соратниками.

– Ну, что ты стонешь? – охладил его эмоции Жуков. – Придумал идиотскую историю с монстром, и, мало того, что деревенских алкашей в ступор вогнал, так еще и сам в нее поверил!

– Но какова сила искусства! – восхитилась я.

Шантер испепелил нас взглядом.

VI

– Однако, господа, – призвал коллектив к порядку Жуков, взглянув на часы, – пора бы и поработать слегка. Что мы имеем?

А имели мы Ромкин репортаж с места событий, и мою информацию об исчезновении Алексея, которую следовало задрапировать в почти невесомый флер таинственности. Правда, Дирижабль просил без его визы материал о художнике не публиковать, но сотовый шефа был заблокирован, и поэтому я с чистой совестью окунулась в муки творчества, тем более, что ничего другого, кроме истории Алексея и рассуждений о Джеке Потрошителе, предложить не могла. Потрошителем же перекрыть отведенную в журнале площадь было нереально. Шантер приткнулся тут же. Пыхтя и прихлебывая кофе, он ваял на Борькином компьютере. А Борька отправился к Лавриновичу уточнять, есть ли еще «дырки» в номере, которые следует срочно заполнить, а заодно испросить разрешения на публикацию информации о загадочном исчезновении Алексея. В конце концов, именно Лавринович обязан принимать подобные решения, когда Дирижабля нет на службе. После творческого процесса мы решили не разбегаться и продолжить обсуждение текущих событий.

Жуков вернулся минут через десять. Вид у классика отечественной журналистики был озадаченный.

– Зинаида, – сказал он, – тебя Лавринович зовет.

– По какому поводу? – удивилась я. Ехидный и амбициозный заместитель Дирижабля старался общаться со мною пореже, поскольку не любил, когда его ставили на место.

– Сказал, что ему твоя помощь нужна.

Я удивилась еще больше и пошла на зов.

Стоя возле окна, Лавринович изучал какую-то бумагу. Он был непривычно сосредоточен и напоминал Ленина в Смольном за чтением телефонограммы об очередной вылазке контрреволюции.

– Зинаида, – задумчиво произнес он, – вы что-нибудь знаете об НЛП?

– Нейролингвистическом программировании? – уточнила я.

– Ну, да, – нетерпеливо подтвердил Лавринович. – Помнится, вы материал на эту тему делали.

– Делала, – согласилась я, – но о самом механизме знаю в самых общих чертах, на уровне дилетанта. Более глубоко не изучала, надобности не было.

– Так взгляните с позиции дилетанта на данный текст и скажите, присутствуют здесь элементы психологического кодирования или нет?

Я взяла бумагу. В ней речь шла о достоинствах каких-то немислимых тренажеров, крема для массажа и спортивной одежды. Реклама как реклама. Но реакция Лавриновича на нее была столь необычной, что я пригляделась внимательнее. Да, в построении фраз и выборе звуков прослеживалась определенная система. Но семантическое кодирование в

рекламе – дело обычное. Цель ее – оказывать психологическое воздействие на потребителя. Об этом я и сказала Лавриновичу.

– То есть, вот такой текст располагает вас к покупке данных товаров? – уточнил он.

– Ну, не знаю, – с сомнением протянула я. – Меня лично – нет. Но, может, я просто не поддаюсь воздействию рекламных трюков. А кто это писал?

– В том-то и дело, что нам передали готовый текст. А господин Канцлер распорядился поместить его в первоизданном виде.

Я не сразу поняла, что речь идет о Дирижабле. И уж совсем непонятной мне показалась излишняя бдительность Лавриновича по поводу какой-то рекламы.

– Я все-таки вас попрошу, – серьезно сказал он, – подумать на досуге вместе с ребятами над этими текстами и проанализировать их.

– А, может, все-таки лучше к специалистам обратиться? – с надеждой спросила я.

– Не лучше, – отрезал шеф, – это конфиденциальная информация, я имею в виду не сам текст, а нашу беседу, и поэтому жду вашего заключения. А рекламу поместим в следующем номере, – подумав, добавил он.

Чувствуя себя польщенной, я взяла листы, но особого значения разговору не придала, поскольку знала, что Дирижабль и Лавринович не ладят, причем, очень давно. Лавринович считал Дирижабля упрямым идиотом, занимающим не свое место, и все время подчеркивал это, а Дирижабль, признавая высокий профессионализм своего зама, обожал указывать ему, кто в доме хозяин, особенно в присутствии коллектива.

Я вернулась в Борькин кабинет, запихала бумаги в сумку и сразу же включилась в дискуссию: Шантер и Жуков горячо обсуждали чудесное исцеление Спиридоны. Ромка настаивал, что бывшего алкаша преобразило в провидца созерцание синего монстра, явившегося из водных глубин. Я решила перевести беседу в русло реализма и попросила Ромку хорошенько подумать, прежде, чем он даст окончательный ответ на один из главных вопросов: действительно ли труп на танцплощадке материализовался из ничего? Не прозевал ли он какой-нибудь возможный источник информации? Шантер с негодованием отверг мои подозрения.

– Что ж, – подытожил Жуков, – судя по всему, в Вишневке произошло то, чего в реальности произойти не могло. Поэтому давайте думать. Зинаида, для начала обратимся к твоему парадоксальному мышлению. Какую авторскую версию ты изложила в журнале по поводу обстоятельств убийств, которые приписываются Потрошителю?

– Если исключить мистику, остается единственный вариант: преступления происходили не там, где лежали трупы.

– А где? – удивился Ромка.

– Неподалеку от этих мест. Лично я считаю наиболее логичной такую версию: девушки заманивались, а, вернее, приглашались в экипаж, усыплялись, тела расчленялись, а потом выбрасывались неподалеку. Эдакая мобильная камера пыток. Очень удобно!

– А кровь?

– Полагаю, что даже в те времена существовали материалы, которые отталкивали влагу.

– Роман, а что говорит экспертиза? – вернул нас к реальности Жуков, – Человек, тело которого обнаружили на танцплощадке, был убит задолго до этого?

– Я с экспертами не общался, – важно сказал Ромка, – но мой друг участковый утверждает, что труп был едва ли не теплый. Именно это обстоятельство и сбивает всех с толку. Лицо жертвы изуродовано очень искусно, явно для того, чтобы человека не скоро опознали. На территории санатория его искромсать не могли: везде же люди, а в лесу темно.

– А свет сразу привлек бы внимание, – подхватил Жуков. – Пустующих зданий поблизости нет, склады забиты товаром и заперты, на хуторе тоже убийство произойти не могло. Если версию Зинаиды перенести на нашу почву, то можно предположить, что убийство было совершено в машине, причем, довольно вместительной. А машина эта находилась поблизости от танцплощадки. Иномарки и фура исключаются. Значит, там был еще один автомобиль, на который никто не обратил внимания. А это, прежде всего, говорит о том, что он был темного цвета. Можно ли въехать на территорию санатория, минуя шлагбаум и не включая фары?

– В принципе, можно, – подумав, сказал Ромка. – Шлагбаум перекрывает основную дорогу, по которой фурами можно вывести товар со складов. А параллельно ей, в лесу, идет другая, по которой серьезная машина не пройдет. По этой дороге, в объезд шлагбаума, ездят многие рыбаки к озеру.

– Видимо, на ней и дальний свет включать не обязательно, предположил Борька. – А скажи, можно ли было на автомобиле вклинуться между иномарками и танцплощадкой?

Шантер снова подумал. – Наверное, можно, – неуверенно сказал он. – Там, вроде, места хватает. Но его бы обязательно заметили!

– А сейчас не торопись и подумай хорошенько, – попросил Жуков, – может быть, хотя бы ненадолго на танцплощадке выключался свет?

– Не было такого, – покачал головой Ромка, – об этом и следователи всех спрашивали.

– А, может, произошло что-то, что отвлекло внимание присутствующих хотя бы ненадолго? – вмешалась я. – Ну, скажем, поспорил кто-нибудь?

На этот раз Шантер думал долго.

– Ну, поливали охранники на какого-то Витьку, – сказал он. – Витька этот напился, включил кипяtilьник, а сам к соседке за сахаром пошел. Заболтался и чуть здание не спалил. Сам он, правда, клялся, что кипяtilьник не включал, но ему не поверили.

– И серьезный пожар случился? – поинтересовался Борька, взглянув на меня.

– Тумбочка слегка выгорела, но дыму много было. Охранник даже в глаз Витьке дал, тот хочет сейчас в суд обращаться.

– То есть, самые трезвые из аборигенов – охранники, и абсолютно все обитатели дома, где проживал коварный Витька, занимались пожаром?

– Наверное, – пожал плечами Ромка.

– А остальных не стоит и в расчет брать, – резюмировал Жуков. – Уверен, что их невозможно было от ночных купаний да шашлыков оторвать. А из отроков, вкушавших запретные плоды в иномарках, свидетели, вообще, никакие. Но тут возникает еще один важный вопрос: зачем нужно было подбрасывать труп на танцплощадку? Из хулиганства?

Глупо. А что говорят в народе?

– В окрестных деревнях шепчутся, что это монстр убивает, – нехотя признался Ромка.

– Но где-то в той местности, вроде, какие-то бизнесмены после Ромкиных публикаций мотель собирались строить, – напомнила я. – А вдруг именно такой реакции они и добивались? Может, это банальный рекламный ход?

Шантер постучал себя по лбу:

– Ты в своем уме, Зинаида? Одно дело, когда речь идет о курах. Но какой нормальный человек захочет отдыхать там, где людей убивают? Туда не то, что экстремалы, туда даже психи не поедут!

– Ну, происки хозяев складов: они, скажем, хотят отпугнуть потенциальных воров? – выдвинула я новую версию.

Тут и Жуков покрутил пальцем у виска.

– Ладно, – сказал он, давайте, еще раз по кофе, а потом Шантер пойдет отдыхать, чтобы завтра снова отравиться в Вишневку. Ромка, надеюсь, ты понял, какие дополнительные вопросы нужно прояснить? А ты, Зинуля, расскажи о художнике то, что не вставила в материал.

Я рассказала. Мы выпили кофе и решили, что я буду и дальше раскручивать историю с Алексеем, если тот все еще не нашелся, а Борька попробует использовать старые связи и узнать что-нибудь о бизнесменах, строящих под Вишневкой мотель. Тут зазвонил мой сотовый, и бывшая однокурсница Наталья Бадаева обиженно сообщила, что у нее сегодня День рождения. Она это делала ежегодно, поскольку я даже о своем не всегда помнила. Пока муж Натальи, скромный бизнесмен Иван колесил по Украине в поисках партнеров, она маялась от скуки, догуливая отпуск.

Судьба жестоко подшутила над моей подругой, одарив престижной работой в Министерстве культуры. Отказаться Наталья не могла, поскольку работала над диссертацией на культурно-историческую тему, да и деньги нужны были, и, зверея за письменным столом, бедная авантюристка люто завидовала моей свободе и нищете. А отпуск, проведенный в четырех стенах, и вовсе испортил ее характер. Я решила отложить все дела на завтра и обещала быть у именинницы через пару часов.

VII

Ехать нужно было в пригород, где стояла военная часть. Я забежала в соседний магазин, купила большую коробку конфет, шампанское и, на всякий случай, палку сыровяленой колбасы. Ближайшая электричка отправлялась через полчаса.

В вагоне было не очень людно, я рассеянно глазела на летящие навстречу пейзажи и мечтала о Наташкиных фирменных голубцах. А через полчаса уже стояла на перроне в Масюличах. В толпе пассажиров мелькнуло чье-то лицо, встревожившее меня, чей-то внимательный, изучающий взгляд. Мелькнуло и пропало. Но оно вполне могло принадлежать и симпатичному мужчине, которого заинтересовала элегантная миловидная женщина. Я оглядела свой твидовый костюм и вздохнула. Как и пиджак Паниковского, он был «почти новым».

Дорога к жилому массиву вела через лес. На небе клубились тучи, закапал дождь, и народ рванул напрямик, через заросший овраг. Я торжествующе накинула дождевик, который предусмотрительно носила в сумке, и направилась в сторону леса. Было тихо и сумрачно.

Вдруг впереди от дерева отделилась тень. Я остановилась. Тень тоже не двигалась. Насколько я могла разглядеть, это был высокий широкоплечий мужчина. В руке у него что-то блеснуло. Сердце мое сжалось. Пропадать таким дурацким образом не хотелось. С воплем «убью, гад!» и сыровяленой колбасой наперевес я бросилась на него.

Мужик шарахнулся в кусты, но я успела стукнуть его колбасой по голове, от чего часть ее отвалилась. Оставив врага с неожиданным трофеем, я прогалопировала мимо и вылетела, как Чапаев, с шашкой наголо, навстречу Наталье, чинно шествовавшей рядом с какой-то хорошо одетой дамой. Следом за мной трусил злодей. Одной рукой он потирал лоб, в другой держал отвалившийся кусок колбасы. А за ним, трусливо поджав хвост, следовал рыжий доберман.

У Натальи отвисла челюсть, дама же с интересом уставилась на нас.

– Вы собаку мою напугали, – пыхтя и тыча в меня колбасой, пожаловался преследователь. – Она теперь выть по ночам станет!

Вблизи у него был мирный и вполне добродушный вид. Пес жался к ногам хозяина, затравленно косясь в мою сторону.

– А зачем вы собирались напасть на меня? – гневно спросила я, тоже размахивая колбасой. Со стороны могло показаться, что мы собираемся устроить дуэль на колбасах.

– Я? Напасть?! – изумление злоумышленника было таким неподдельным, что дамы, сообразив, видимо, что к чему, разразились хохотом. Похоже, я чего-то не знала.

– А почему из засады с ножом выпрыгнули?! – настаивала я на своих подозрениях.

– Я не из засады, – застонал мужик, – я гриб под сосной увидел, срезал его, а тут вы на меня набросились.

– А где гриб? – не унималась я.

– Так выпал, когда вы меня избивать стали! – незнакомец, слегка успокоился и принялся с любопытством разглядывать меня.

– И как вы только на таком расстоянии сумели нож разглядеть? Вот это зрение! – с искренним восхищением заключил он.

Дамы уже икали от смеха.

Ситуация прояснилась через несколько минут. Оказалось, что Наталья вспомнила, что нужно купить минералки, и еще раз позвонила на мой сотовый. Но я уже толкалась в магазине и звонка не слышала. Тогда она набрала номер редакции. К телефону подошел Борька. Услышав, что я собираюсь в Масюличи, он попросил Наталью встретить меня, поскольку знал, что дорога идет через лес. Более того, намекнул, что ее может сопровождать сосед. Подругу мою это очень встревожило. Паникером Жуков не был, болтуном тоже. Наталья стала задавать навводящие вопросы, но туманные объяснения напугали ее еще больше. А в это время неожиданно

пожаловала незваная гостья – некая бизнес-леди из Питера, которой понравились рекламные ролики Наташкиного мужа Ивана, вернее, фирмы, владельцем которой он был. Дама следовала из Европы домой и, раздобыв домашний адрес возможного потенциального партнера, решила по дороге к нему заглянуть. Наталья напоила гостью чаем и коньяком, пообещала, что Иван с ней свяжется, и пошла провожать на электричку. А заодно решила встретить меня.

Во дворе они столкнулись с отставным летчиком – холостым соседом Виталием, который выгуливал добермана. Справедливо рассудив, что мужская сила, подкреплённая здоровенным зверем, гарантирует ещё большую безопасность, Наталья описала меня и послала грозную парочку вперед. Никому и в голову не могло придти, что я использую сыровяленый продукт не по назначению.

Вдоволь насмеявшись, наша компания разделилась: Виталию с рыжим Чипом было предложено проводить гостью до станции, – вечером у нее был самолет, а мы с Натальей направились к дому. Летчик торжественно вручил мне утерянный фрагмент колбасы и, в качестве моральной компенсации, был приглашен на торжество.

Входя в подъезд, я снова почувствовала чей-то тяжелый взгляд, оглянулась, но никого не увидела.

Через полчаса мы уже сидели за праздничным столом. Между бутылками стояли закуски и дымились ароматные голубцы, которые с одинаковым удовольствием употреблялись и под коньяк, и под шампанское еще со студенческих времен. Застольем руководил принаряженный Виталий, а в углу грыз косточку Чип, который согласился меня простить и оказался очень милой собакой.

Спустя пару часов все пребывали в блаженном состоянии, напитки были отличными, еда вкусной, а непринужденная беседа плавно перетекала от одной темы к другой.

Наташкин сосед оказался обаятельным, остроумным и, главное, незлопамятным человеком. С удивлением я узнала, что он воевал в горячих точках: Афганистане, Чечне и еще, как я поняла, в Приднестровье, Абхазии и других регионах, которые не назывались. Там он летал на вертолетах. Виталий рассказывал очень интересно и обещал показать фотографии.

На улице стемнело. Наталья зажгла свечи. Чип подошел к хозяину и положил голову к нему на колени.

– Ну, что, дружок, на улицу хочешь? – ласково спросил Виталий. – Девочки, я с собакой погуляю и вернусь. А заодно прихвачу альбом и мороженое, оно у меня в морозильнике лежит.

Наталья проводила парочку, заперла дверь и зажгла свечи.

– Ну, рассказывай, – приказала она, усаживаясь рядом, – что там у вас происходит? Жуков темнил-темнил, я так ничего и не поняла.

И я в общих чертах принялась просвещать Наталью. Она слушала, затаив дыхание.

Авантюристка и любительница приключений, Наташка обожала риск. А мгновенная реакция, аналитический ум, нестандартное мышление и, самое главное, внешность наивной, беззащитной, интеллигентной блондинки позволяли ей быстро завоевывать доверие окружающих и выходить из опасных ситуаций, не повредив оперения.

– Ничего себе! – присвистнула она, когда я окончила свой рассказ. – Но у вас, должно быть, не хватает людей для качественного расследования, и пока я в отпуске, то просто обязана вам помочь. Ну, пожалуйста!

Я не успела ничего ответить, как раздался скрежещущий звук, и потянуло прохладой. Я оглянулась. В окне мелькнула тень. Я не успела ничего сообразить, когда еще одна тень метнулась мимо меня. Раздался звон стекла, приглушенный вопль и тяжелое шмяканье о землю. И сразу же позвонили в дверь. Вспыхнула люстра.

Одурев от неожиданности, ничего не понимая, я оглядела комнату. Наталья стояла возле разбитого окна, раздувая ноздри и сжимая в руке стебель какого-то домашнего растения. Черепки от горшка валялись рядом.

В дверь позвонили настойчивее. Я пошла открывать. На пороге стояли Виталий с альбомом и мороженым и Чип, оба улыбались. Увидев мое лицо, Виталий напрягся, отстранил меня, быстро прошел в комнату, сразу же выскочил оттуда и, свистнув Чипа, помчался вниз.

Вернулись они минут через десять. Мы с Натальей уже убрали черепки и осколки, и принимали коньяк, чтобы успокоить нервы.

Виталий вытер платком лоб, налил себе коньяку, выпил и, жуя злополучную колбасу, принялся с восхищением разглядывать Наталью. А потом сказал:

– Ну, девки, вы даете! Куда до вас терминатору! – и потер шишку на голове.

Еще после пары рюмок мы попытались восстановить события. Картина нарисовалась такая.

Некая темная личность, владеющая элементами альпинизма, взобралась на второй этаж и пыталась бесшумно проникнуть в Наташкину квартиру. Свет был выключен, шторы наполовину задвинуты, столик с горящими свечами стоял в углу. С улицы, видимо, создавалось впечатление, что упившийся народ лег спать. Услышав подозрительный шум, Наталья отреагировала автоматически: подскочив к окну, схватила за стебель цветок, стоявший на подоконнике, и наотмашь нанесла сокрушительный удар вазоном по голове непрошенного гостя. Прямо через стекло!

Виталия мы в последние события не посвящали, и он решил, что какой-то идиот, обкурившись, решил обворовать квартиру, не выяснив, находятся ли хозяева дома.

– Наталья, – сказал летчик, – будьте осторожнее, поставьте сигнализацию!

Наташка пообещала вставить бронебойные стекла.

Поохав и поахав, мы решили, что поверженный враг больше не появится, и беседа перетекла в другое русло. После мороженого стали рассматривать принесенный альбом, и это было действительно интересно. Перелистывая последние страницы, я ощутила непонятное беспокойство...

Расходиться не хотелось, мы пили чай, но мне не давала покоя какая-то фотография, отпечатавшаяся в подсознании. Я стала рассеяно перебирать снимки и чуть не вскрикнула, перевернув очередную страницу: рядом с загорелым, смеющимся Виталием стоял высокий крепкий мужчина в выцветшей военной форме, с холодными светлыми глазами, короткой стрижкой и твердым ртом. Это был человек с рисунка Соломона, таинственный незнакомец, который приценивался к полотнам Стасевича. И он был похож на того самого типа, который мок под дождем, разглядывая мое окно, а затем носился, как угорелый, в тойоте. Впрочем, в последнем я была не уверена.

– Кто это? – ткнула я пальцем в снимок.

Виталий удивленно взглянул на меня, взял фото.

– А это Глеб Полторанин, – с какой-то особенной теплотой в голосе сказал он. – Жизнь мне спас, когда вертолет сбили.

– Расскажите подробнее, – попросила я. – Он тоже летчик?

– В разведке служил, – уклончиво сказал Виталий. – А рассказывать особенно нечего, воспоминания не к праздничному столу. А почему он вас заинтересовал?

– По-моему, я его у знакомых встречала.

– Это исключено, – твердо сказал Виталий, – Он погиб в Чечне.

Наталья искоса посмотрела на меня.

Посидели еще немного, потом Виталий встал, пообещал проводить утром на электричку, раскланялся, и они с Чипом удалились.

Наталья придвинулась ко мне и зашипела:

– Что за разведчик такой? Колись!

– Да я сама толком ничего не знаю!

– Давай про то, что знаешь!

Я рассказала и даже показала рисунок Соломона.

– Точно он! – подтвердила Наталья. – Тебе не кажется, что дело принимает неожиданный оборот?

Я за два дня к любым оборотам привыкла, поэтому мне ничего не казалось, а просто хотелось спать.

VIII

Проснулись мы от наглого звонка в дверь. Я взвилась от неожиданности и, чертыхаясь, понеслась открывать. На площадке с безмятежной улыбкой и жвачкой во рту стоял еще один сосед – студент второго курса факультета психологии Пашка. Его нахальная физиономия пыталась изобразить детскую невинность.

– Теть Зин, – скороговоркой забасил он, – у вас кофейку не найдется?

И, предвидя отказ, пустил в ход шантаж:

– Я до утра не спал, у вас так шумно было!

Я вздохнула и поплелась на кухню.

Пашка проник в комнату, сходу стащил две конфеты и запихал за щеку. Потом, критически оглядел обстановку, остановил взор на разбитом стекле, и восхищенно воскликнул:

– Ух, ты! А хорошо погуляли! Вы что, бутылками в окно швырялись?

– Заткнись! – посоветовала я. – Тебе куда кофе сыпать?

– А вы мне в банке отдайте, – предложил Пашка, заглянув внутрь, – у вас там чуть-чуть на доньшке осталось.

Я потрясла банку. Кофе оставалось не менее половины. Но препираться не хотелось, я плюнула и отдала ему банку.

– Вот, спасибо! – обрадовался парень. – Можно я еще рыбки возьму?

Пашкины родители обретались по делам где-то на Дальнем Востоке, оставленную на месяц сумму он прокутил с друзьями за три дня, и теперь регулярно подъедался у Натальи.

– Бери, – великодушно разрешила я, – вот тебе и колбаска в довесок, но только харч обработать придется.

Пашка застыл с продуктами в руках. Он был патологически ленив и лихорадочно соображал, что ему придется делать: грузить вагоны или же стеклить окна?

Я принесла сумку, достала бумаги с рекламным текстом, которые передал Лавринович, протянула Пашке, многозначительно прищурилась и зашептала:

– Строго конфиденциально, никому ни слова! Нужен квалифицированный анализ текста! За два дня сделаешь?

– Сделаю, – прошептал польщенный Пашка и гордо удалился, прихватив по дороге кусок торта.

На пороге появилась заспанная Наталья, зевнула и объявила категорическим тоном:

– Я поеду с тобой!

– А окно? – попыталась я урезонить подругу.

С одной стороны, она была полноценной боевой единицей, и не стоило отказываться от ее помощи. Но, с другой стороны, мы не знали, как сложится ситуация, а у Натальи было не очень здоровое сердце.

– А окно постережет Пашка. Я позвоню мастеру, а студент проследит, чтобы все было в порядке. Может, за это время лишних глупостей не наделает.

– Зато ты сделаешь свою самую большую глупость, он же тебя обожрет! Эта саранча сегодня за каких-то пару минут ополовинила твои припасы!

– Да пускай ест! Он, бедняжка, оголодал без родителей.

Мы собрались, выпили кофе, а через пару минут появился «бедняжка» и сразу же исчез на кухне. Хлопнула дверь холодильника.

– Ты не лопнешь? – ласково поинтересовалась я из комнаты. В ответ послышалось невразумительное мычание. Я поняла, что уничтожение Наташкиных припасов началось.

В дверь позвонили. Это были Виталий с Чипом, которые проводили нас до электрички.

В вагоне мы решили сначала отправиться в редакцию, выяснить новости, а потом поехать на Монпарнас.

– Вот черт! – с досадой воскликнула я, доставая из сумки вместе с сотовым выпавший из еженедельника рисунок Соломона. Наталья вопросительно взглянула на меня.

– Не догадалась фотографию Полторанина у Виталия стащить!

С виртуозностью фокусника Наталья извлекла откуда-то фото загадочного Глеба и торжествующе протянула мне. Я не удивилась. Еще в юности она слыла одним из самых удачливых шулеров в студенческой среде, и садиться за карточный стол с ней остерегались даже опытные игроки.

Я набрала номер редакции. Ответила секретарша Лена.

– Зинаида, – возбужденно закричала она, – ты когда появишься? Тут такое творится! И Жукова с Ромкой нет!

– А что творится-то? – прервала я поток эмоций.

– Скандал по поводу твоей публикации!

– Про художника? – догадалась я. – Дирижабль появился?

– Дирижабль не появлялся, звонила его супруга и устроила скандал!

– Курица Стася? А ей-то до этого что за дело?!

– Она сказала, что Дирижабль заболел, что у него инфаркт будет от нашего самоуправления, что учредители журнал закроют, и все мы пойдем на улицу! А Лавринович ее послал, как Сталин Крупскую, и она сказала, что этого так не оставит!

– При встрече с этой клушей я переплюну и Лавриновича, и Иосифа Виссарионовича, – раздраженно пообещала я. – Появлюсь, когда смогу, так начальству и передай.

Не успела я выпустить пар, телефон позвонил снова. Это был Соломон.

– Федор пропал, – мрачно сообщил он, не поздоровавшись.

– Как пропал?! Когда пропал?

– А я знаю? Он еще вчера на Монпарнасе не появился, я думал, – на пленэр уехал. А сегодня из Интуриста к нам клиентов должны привести, и он в любом случае обязан быть здесь. Ему деньги нужны.

– А ты его адрес знаешь?

– Адрес знаю, пил там. Но ехать не могу, клиентов дожидаться буду. А ты съезди! Только возьми с собой кого-нибудь, на всякий случай, – заботливо предупредил осторожный Соломон. – Кстати, Лешка тоже не появлялся.

Я передала разговор Наталье, и было решено вначале посетить Монпарнас.

Ночью прошла гроза, в тепле первых лучей над сохнувшим асфальтом стлалась легкая дымка. Мы поднялись на холм. Внизу сновал транспорт, и сияла на солнце золотая маковка старинной церкви. А на краю пяточка стояли «скорая помощь» и милицейский фургон. Возле них сгрудился народ, все жестикулировали и что-то оживленно обсуждали. У меня сдавило горло.

Мы ускорили шаг и в раскрытую дверь «скорой» увидели профиль сидящего там Соломона. Возле него суетился медбрат.

Приблизившись, мы увидели, что один глаз Соломона заплыл, а под другим красовался кровоподтек. Он стоически переносил манипуляции медперсонала и, судя по выражению лиц работников силовых структур, так же стоически переносил их вопросы. Милиционеры нервничали. Соломон вперил в меня единственный функционирующий глаз, моргнул им и показал жестом, чтобы подождала в сторонке. Пока я любовалась живописным видом художника, куда-то исчезла Наталья.

Рядом остановилась стайка женщин. Из их возбужденного щебетанья я поняла, что этот «здоровенный, с бородой» прогуливался по тротуару, когда рядом остановилась роскошная машина. Из нее вышли двое уважаемых джентльменов, и бородач, ни с того, ни с сего,

начал их бить. Из автомобиля выскочили еще двое, но Соломон, зверски рыча на весь квартал, побил их тоже. Мимо ехал милицейский патруль, пострадавшие почему-то ретировались, а стражи порядка, заставшие финал сражения, кинулись за объяснениями к Соломону. Тот, как тореадор, в горячке боя пошел и на них. Милиционеры спрятались за машину, бросили белый флаг и вызвали «скорую помощь». И вот сейчас Соломону латали раны, а патруль безуспешно пытался восстановить картину происшествия. Пострадавшие сбежали, претензий к Соломону никто не предъявлял, а сам он в ответ на все вопросы только свирепо сопел. Более того, многие граждане утверждали, что нападала другая сторона.

Милиционерам все это надоело, они зафиксировали паспортные данные художника, имена свидетелей и поехали разыскивать более благодарную жертву. «Скорая» тоже отчалила.

Подошел истерзанный Соломон. Чалма из бинтов, патриаршая борода, следы побоев и кроткий, но горящий взгляд делали его похожим на первого христианина, потерпевшего за веру от рук римлян. С другой стороны подплыла Наталья. Я представила их друг другу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.